

Райан Уилсон

Дневник учителя

истории
о школьной
жизни,
которые
обычно
держат
в секрете

БОМБОРА

Призвание. Книги о тех, кто нашел свое дело в жизни

Райан Уилсон

**Дневник учителя. Истории
о школьной жизни, которые
обычно держат в секрете**

«ЭКСМО»

2021

УДК 373
ББК 74.2

Уилсон Р.

Дневник учителя. Истории о школьной жизни, которые обычно держат в секрете / Р. Уилсон — «Эксмо», 2021 — (Призвание. Книги о тех, кто нашел свое дело в жизни)

ISBN 978-5-04-176042-7

Что делает урок интересным, а что способно безвозвратно его испортить? Что такое быть хорошим учителем? Эта книга о жизни школьного учителя. В ее начале он предстает наивным и восторженным студентом-практикантом, для которого все в школе является новым и интересным. Постепенно у него открываются глаза, и он понимает, что профессия его мечты имеет не только плюсы, но и ряд серьезных минусов, которые очень непросто пережить. Уилсон сталкивается с трудными учениками, не желающими идти на контакт родителями, огромным количеством бумажной работы, жесткими требованиями начальства и постоянными инспекторскими проверками. Он открыто рассказывает о неприятных ситуациях, которые вполне могли стоить ему карьеры. В книгу «Дневник учителя» он вложил все свои самые яркие воспоминания об учительской карьере и размышления о сути этой непростой профессии. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 373

ББК 74.2

ISBN 978-5-04-176042-7

© Уилсон Р., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

От автора	6
Введение	7
С чего все началось	9
Комедия ошибок	11
Найти свой стиль	12
Йога-терапия	13
Все мы учимся	14
Усвоенные уроки	15
По пятам за учеником	17
Такси для одного	18
Маленькие люди	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Райан Уилсон
Дневник учителя
Истории о школьной жизни,
которые обычно держат в секрете

Ryan Wilson

THOSE WHO CAN: A TEACHER'S STORY

Copyright © Ryan Wilson, 2021

© Ляшенко О.А., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Лиз, учителю с большой буквы; Зои, настоящей северной энергетической станции, и всем учителям, которые выполняют свою невероятную работу под колоссальным давлением.

От автора

В этой книге я рассказываю о случаях из своей учительской карьеры, основываясь на своих воспоминаниях. Разумеется, ученики и коллеги, с которыми мне посчастливилось работать, имеют право на конфиденциальность, поэтому я изменил имена, места и другие узнаваемые характеристики. В некоторых случаях я был вынужден объединять людей или ситуации в целях сохранения конфиденциальности. Таким образом, любые совпадения являются случайными.

Введение

«Ты смельчак!» – обычно говорят люди на вечеринках, когда я говорю, что работаю учителем. «О-о-о, у меня точно не получилось бы!» – добавляют они через секунду. За этим обычно следует вопрос: «Ты всегда хотел этим заниматься?» Это плохо завуалированная попытка выяснить, в какой сфере у меня ничего не вышло, прежде чем я пришел в эту худшую в мире профессию.

Как правило, люди разговаривают с учителями как с расстроенным ребенком, пропустившим гол во время важного футбольного матча. Они подбирают слова, чтобы найти плюсы в ситуации и не акцентировать внимание на упущенных возможностях, однако им не удается скрыть жалость из-за того, что у вас ничего не получилось.

Мне понадобилось немало времени, чтобы привыкнуть к такому отношению, потому что я всегда считал, что работа в школе – лучшая в мире. Моим одноклассникам на восьмой день рождения подарили фигурки «Трансформеров» и кукол «Барби», я же получил большую доску и коробку мела. Я часами рассказывал воображаемым ученикам о столицах мира и формуле вычисления площади треугольника.

Я тщательно разрабатывал учебные материалы, заполнял журналы вымышленными именами, подбадривал несуществующих учеников и считал, что идеальное занятие на вечер – это проверка работ. Неудивительно, что никто не считал меня клевым.

Это довольно странное увлечение, думаю, было у меня в крови. Мой отец всю жизнь преподавал музыку, и мне нравилось наблюдать за тем, как он идет в школу с портфелем, полным распечатанных тестов. Вернувшись домой, он пересказывал нам разговоры из учительской и жаловался на хор, не попадающий в ноты. В начальной школе мне повезло: у меня были потрясающие учителя, чье влияние точно не ограничивалось школьными стенами. Они казались мне всезнающими, и я хотел подражать им.

Откуда бы ни росли ноги моего энтузиазма, с ранних лет я был убежден, что все вокруг мечтают стать учителями. Помню, как был искренне удивлен, узнав, что не все одноклассники хотят пойти той же дорогой, что и я.

Во время учебы в школе и университете я упрямо придерживался своей позиции. Очень многие учителя советовали мне подумать о другой профессии, подкрепляя аргументами вроде: «У нас мизерная зарплата» или «Ты должен стремиться к большему», но меня было не переубедить.

Замечательные учителя средних и старших классов еще больше укрепили мое желание. Я помню долгие летние дни с миссис Вебб, которая рассказывала нам о «Макбете». Это была величавая женщина, носившая красивые струящиеся платья. Она говорила тихо, а когда рассуждала о бессмысленности необузданных эмоций и роли ведьм в гибели Макбета, в классе воцарялась тишина.

Многие неопытные, непослушные и ленивые ученики ошибочно принимали ее слегка эфемерную натуру за слабость. Помню, как один мальчик придумал какую-то невероятную причину, почему не сдал домашнее задание, – она была связана с кроликом парня его сестры. Голосом чуть громче шепота миссис Вебб ответила, что ждет домашнее задание завтра до 09:00. Он открыл рот, чтобы возразить, но учительница была непреклонна, завершила разговор словами: «Завтра, пожалуйста» – и выплыла за дверь.

Однако она была щедра на похвалы, и я все чаще старался впечатлить ее. Даже когда она критиковала мою работу, я понимал, что она верит в меня и делает это, чтобы я добился

больших успехов. В один из таких дней в компании миссис Вебб я решил, что хочу посвятить жизнь преподаванию литературы в школе.

Вымышленные ученики из моего домашнего класса превратились в настоящих, когда в достопочтенном возрасте двадцати двух лет я впервые устроился на работу в школу. Я знал, что учительство никогда не упадет с пьедестала, на который я его поставил. Честно говоря, проверка работ, в которых реально что-то было написано, занимала немало времени и перестала быть тем расслабляющим вечерним занятием, которым я ее считал. Хотя реальные дети были чуть менее послушными, чем вымышленные, я все равно считал свою работу пределом мечтаний. Она была благородной и сложной, разнообразной и важной. Кроме того, работать с любопытными и живыми подростками, чей мозг еще формировался и которые всегда говорили то, что думают, было невероятно интересно.

Разумеется, медовый месяц не может длиться вечно. Были времена, когда учительство приносило мне не только удовольствие, но и стресс и разочарование.

За последние десять лет нагрузка на школы, учителей и учеников только возросла, но моя работа мне все равно нравится.

Наш жизненный опыт так или иначе формируется под влиянием учителей, и мы часто вспоминаем их уроки.

То, что вы прочтете дальше, можно считать одой учителям и удовольствию работы в классе. Несмотря на сложности, давление и сорванные уроки, с работой в школе ничто не сравнится. Это дань невероятной и во многом недооцененной работе учителей во всех уголках страны, выполняемой ими изо дня в день. Я надеюсь стереть презрительную улыбку с лиц тех, кто любит говорить на вечеринках: «Знаете, учить любят те, кто не умеет это делать». Вместе с тем эта книга еще и крик о помощи, потому что сегодня учителя испытывают гораздо большее давление, чем когда-либо, и с годами идеалистическое представление о ребенке у доски в просторном классе прошло суровое испытание.

С чего все началось

Сентябрь 2005 года. Группа учеников впервые после каникул взволнованно идет в школу. Учителя-практиканты, волнуясь не меньше, чем их будущие ученики, готовятся к первому рабочему дню. Педагогический факультет, где мне предстоит узнать обо всех тонкостях профессии, располагается в новом футуристическом здании на окраине города, и мы первые, кто будет там учиться. Пахнет краской и предвкушением. Двадцать студентов прибыли сюда на годовой курс с надеждой получить право преподавать литературу в школе после его окончания.

Я испытываю характерную для первого дня застенчивость в сочетании с желанием завести новых друзей. Как неуклюжий одиннадцатилетний мальчик, который должен сказать нечто непристойное, чтобы покори́ть товарищей, я пытаюсь добиться расположения коллег с помощью необдуманного дерзкого комментария на тему севера Англии. Ни секунды не колеблясь, кто-то мне отвечает: «Эй, осторожнее! С нами, северянами, лучше не шутить».

Это голос Зои. Она похожа на великолепный светловолосый энергетический шар. Я сразу проникаюсь к ней симпатией. Позднее выяснилось, что она росла в Шеффилде, но потом переехала на юг, чтобы получить сертификат последипломного образования в области преподавания, а до этого три года училась на педагогическом факультете в Даремском университете. Она такая же дерзкая, как и ее первые слова в мой адрес.

Обучение состоит из довольно странного сочетания простых университетских занятий (как правило, они начинаются в 10:00, и на них нужно записывать свои чувства на стикерах) и практики в школе. Нередко студентам приходится выезжать на рассвете и несколько часов добираться до школы, чтобы делать то, не знаю что, причем бесплатно.

К сожалению, дети знают, что ты еще учишься, поэтому лучшее, на что ты можешь рассчитывать с их стороны, – это жалость. Они, как и животные, чувствуют страх, и нужно притворяться уверенным и властным, даже если у тебя нет ни того, ни другого. Мы понимаем, что будет нелегко, но я жду уроков с нетерпением. Я еще никогда не был настолько уверен в том, что нахожусь на верном пути и в нужном месте.

Быстрый поиск в интернете говорит о том, что школа, где я буду проходить практику, находится глубоко в Фенских болотах¹. Я расспрашиваю о ней и узнаю, что это не очень хорошее учебное заведение, известное низкими результатами экзаменов и сложными учениками, которые дерутся, травят друг друга и воруют. Школа расположена в неблагополучном районе: многие дети никогда не выезжали за пределы Фенских болот и даже не были в ближайшем городе. Я воспринимаю это как возможность что-то изменить. Всего через две недели университетской подготовки я впервые подъезжаю к школьным воротам. Ничто не испортит мне настроение.

План таков: я понаблюдаю за уроками около недели, а затем буду вести их под контролем опытного учителя, получать обратную связь и совершенствовать навыки.

Большую часть первой недели я наблюдаю за уроками учителя Тони. Он очень приятный парень: высокий, приветливый и похож на Хью Гранта, играющего роль джентльмена из высшего общества. Однако я быстро понимаю, что класс – не его естественная среда обитания. Кроме того, у него проблемы со слухом.

Я беспомощно наблюдаю, как дети бегают вокруг, шепотом оскорбляют, думая, что его слуховой аппарат не работает, и вообще выют из него веревки.

Мне нужно делать записи в новенькой тетради формата А4 – я планировал сделать ее хранилищем учительской мудрости, но не знаю, что писать. «Старайся полностью не утратить контроль»?

---

¹ Географическая и историческая область в восточной части Англии.

Недели, проведенной за задней партой класса Тони, вполне достаточно, чтобы я мог приступить к самостоятельному ведению уроков. Мне объясняют, что из-за нехватки персонала за мной никто не будет наблюдать. Я буду один рассказывать классу из тридцати четырнадцатилетних подростков о «Ричарде III». Это не соответствует требованиям к практике, установленным университетом, но наш уютный кабинет, где проходят семинары, слишком далеко от линии фронта, и последнее, чего я хочу, – это раскачивать лодку. Я не читал ни страницы «Ричарда III», поэтому срочно начинаю знакомиться с пьесой.

Комедия ошибок

Несмотря на скорость, с которой разворачиваются события, я безумно счастлив. Впервые на моих уроках будут живые дети, представляющие собой чистые холсты. Мои скромные инструменты – это язык и сюжеты, и я нарисую прекрасные картины в умах и сердцах детей.

В выходные я трачу несколько часов на планирование уроков, снова и снова проигрывая их в голове, и засиживаюсь допоздна, продумывая раздаточные материалы, игры и темы для обсуждения.

Я думаю об уроках, которые вел в своей воображаемой школе: они всегда проходили гладко, ученики внимательно слушали и никогда не грубили. Планы, которые я составляю, – фотографические негативы этих уроков.

Через десять минут с начала урока, когда я с энтузиазмом изображаю горбатого Ричарда III, меня прерывает четырнадцатилетняя девочка, которая выглядит на двадцать пять из-за толстого слоя макияжа на лице.

– Сэр, я могу поговорить с вами за дверью? – спрашивает она.

– Конечно, – отвечаю я, радуясь, что хотя бы минуту не придется разыгрывать сцены, которые ужаснули бы Шекспира. Он точно пожаловался бы своей жене Энн, что неопытные учителя литературы оскверняют его работы.

– Возможно, это ерунда, но мне кажется, я нравлюсь Гэвину, – говорит Джейд.

– Ясно, – отвечаю я осторожно. – Он тебя донимает?

– Эм-м, мне просто не очень нравится, как он это... выражает.

– И что же он делает? – задаю я неизбежный вопрос, хоть мне совершенно не хочется его задавать.

Оказывается, Гэвин, которого я считал хорошим ребенком, поскольку он не проявлял открытого неповиновения, принес в школу маникюрные ножницы. Он решил, что будет здорово состричь волосы ниже пояса, нарезать их на крошечные кусочки и дунуть ими в лицо Джейд, сидящей напротив и ни о чем не подозревающей. Когда ее накрыло облако лобковых волос, она старательно делала вид, что слушает мой рассказ о физических недостатках Ричарда, из-за которых он чувствовал себя аутсайдером.

Я отправляю Джейд обратно в класс, пообещав во всем разобраться, и вызываю Гэвина на разговор. Убеждая его, что это не лучший путь к сердцу Джейд, я смотрю на учеников через окно в двери. Ученики не анализируют цитаты, которые я дал им, прежде чем выйти, а вместо этого избивают двух мальчиков свернутыми копиями пьесы.

– Что вы делаете? – кричу я, открыв дверь. В моем голосе читается скорее отчаяние, чем авторитет.

– Просто изображаем убийство двух молодых принцев в башне, – отвечает кто-то из детей. Разумеется, после этого избивание продолжается.

Объясняя, почему не стоит осыпать одноклассниц лобковыми волосами и одновременно пытаться предотвратить убийство двух принцев, я понимаю, что этот год, вероятно, будет сложнее, чем ожидалось.

Найти свой стиль

Наверное, мой первый урок не был идеальным введением в учительство. На следующий день я сижу в учительской и препарирую свой урок с руководителем департамента.

– Помни, – говорит он, – если справишься с работой в этой школе, сможешь работать где угодно.

Честно говоря, подбадривает это не очень.

Я предполагал, что буду чувствовать себя в школе как рыба в воде. Конечно, это было самонадеянно, но я надеялся сразу стать той версией себя, которую так долго представлял. Мне хотелось непринужденно контролировать класс, помогать ученикам и вдохновлять их своей спокойной уверенностью, как миссис Вебб много лет назад. Я мечтал быть как мисс Хани – тихая и добрая учительница из «Матильды» Роальда Даля², но на первом же уроке ощутил себя ее неуравновешенным злобным близнецом.

Я пытаюсь найти собственный учительский голос, но продолжаю получать противоречивые советы. Наша университетская наставница Кристин – талантливая, неорганизованная и немного хаотичная бывшая учительница литературы – советовала нам перед началом практики, когда мы покидали ее уютный кабинет: «Просто оставайтесь собой, и все будет хорошо». Однако один старожил учительской отвел меня в сторону и недвусмысленно дал понять, что нельзя улыбаться классу перед Рождеством.

Однажды вечером я столкнулся с Зои в университетской библиотеке и спросил, как проходит ее практика.

– Даже не спрашивай, – ответила она. – Я не знаю, что делать с плаксами. Позавчера я оставила после занятий трех семиклассников, которые не сделали домашнее задание, и уже через пятнадцать минут все они рыдали. Думаешь, мне нужно быть мягче?

Очевидно, найти свой учительский стиль можно только методом проб и ошибок, при этом последних будет явно больше.

---

² Британский писатель, автор романов, сказок и новелл, поэт и сценарист. Обладатель многочисленных наград и премий по литературе.

Йога-терапия

Наша практика в школе прерывается университетскими занятиями, на которых Кристи показывает, как должен выглядеть хороший урок. Мы играем роль учеников и разыгрываем «Двенадцатую ночь»³ так, словно это серия «Жителей Ист-Энда»⁴, и придумываем эпизод «Шоу Джереми Кайла»⁵ с действующими лицами из «Ромео и Джульетты».

На одном из четырех занятий в конце ноября Кристин сказала, что сейчас непростое время: все устали, до Рождества еще далеко, и большинству из нас приходится тратить много времени на дорогу до школы и обратно.

Составлять планы уроков до поздней ночи и таскать домой тяжелые папки, набитые сданными работами, стало нормой.

Один из одноклассников даже купил для них чемодан, и теперь его постоянно спрашивают: «Вы едете в отпуск?»

Кристин сообщает, что придумала для нас нечто полезное: она пригласила шведку Ульрику, чтобы провести расслабляющую сессию. Вся группа в составе тридцати человек тащится в танцевальную студию, где нас встречает одетая в яркий костюм из лайкры Ульрика. Ее кудрявые волосы зачесаны назад и зафиксированы повязкой в стиле восьмидесятых. Она ставит компакт-диск со звуками свирели и с сильным шведским акцентом призывает нас лечь на пол и закрыть глаза.

Не успев понять, что происходит, я, следуя инструкциям Ульрики, оказываюсь на четвереньках и, выгибая спину с закрытыми глазами, повторяю: «Я выпускаю солнечный свет в свое тело».

– Ви погрузились в состояние глубокого расслабления, – говорит Ульрика.

Честно говоря, мне сложно представить себе что-то менее расслабляющее, чем женская версия мистера Мотиватора⁶, которая кричит на меня, пока я стою на четвереньках с закрытыми глазами.

– Теперь представьте, что вы на пляже, – приказывает Ульрика. – Солнце светит в лицо. Васмодно, фам в голову пришла мысль о школьных, но вы думаете: «К черту!»

Возможно, дело в сильной усталости, а быть может, в чьей-то невоспитанности или, вероятно, в нелепости ситуации (группа взрослых людей ползает по полу), но вдруг кто-то рядом со мной начинает смеяться. Не просто хихикать, а неконтролируемо хохотать. Я приоткрываю глаза и смотрю на Зою – ее лицо выражает смесь дискомфорта, отвращения и презрения. Вот и все. Я ложусь на пол и хохочу вместе с ней. Это оказывается заразным, распространяется по всему залу, и сеанс завершается тем, что мы все содрогаемся от смеха. Это такое облегчение! Как ни странно, Кристин и Ульрика дали нам именно то, что нужно, пусть даже не так, как планировали.

---

³ Пьеса, комедия Уильяма Шекспира в пяти действиях, названная в честь праздника двенадцатой ночи в Рождественский сезон.

⁴ Сериал о повседневной жизни простых жителей вымышленного округа Уолфорд в восточной части Лондона.

⁵ Разговорная программа, герои которой рассказывают о личных проблемах, а затем гости передачи обсуждают их поступки. Схожа с дневным шоу Андрея Малахова на российском телевидении. Обсуждения измен и семейных конфликтов, а также тестирование на полиграфе – обычная часть шоу.

⁶ Деррик Эррол Эванс, более известный как мистер Мотиватор, – британский инструктор по фитнесу; родился на Ямайке. Прославился в британской программе GMTV в 1993 году, пропагандируя фитнес как образ жизни в прямом эфире. Его яркие наряды быстро стали торговой маркой, а выступления привели к широкой известности в Великобритании.

Все мы учимся

Честно говоря, уже через несколько недель практики мне становится тяжело. Рабочий день длится долго, а нагрузка в школе и университете высока. Но когда уроки проходят хорошо, а дети говорят, что им все понравилось или сами находят дополнительную информацию, чувство удовлетворения побуждает двигаться вперед. Рождественские каникулы не за горами, но до них я должен провести свое первое родительское собрание в седьмом классе. Я буду рядом с классным руководителем, а к нам по очереди будут подсаживаться мамы и папы. Это будут худшие в мире быстрые свидания.

Андреа, классный руководитель, работает в школе около пяти лет. Она великолепна: умна, доброжелательна и к тому же прекрасно знакома с сильными и слабыми сторонами каждого ребенка.

Я же проработал в этой школе (в школе в принципе!) меньше трех месяцев и до сих пор иногда забываю путь от учительской до кабинета литературы.

На собрании я замечаю, что родители делятся на несколько типов. Есть серьезные мамы и папы – они все записывают и приходят с заранее подготовленными вопросами. Есть занятые родители, которые явно прибежали в школу с работы и теперь постоянно проверяют почту на телефоне. Можно подумать, что за те пять минут, что они разговаривают с нами, у них накопится целая гора электронных писем. Есть и те, кто очень старается быть хорошими родителями, но испытывают трудности и спрашивают совета, как воспитывать детей. Есть и такие, чей английский недостаточно хорош для разговора с учителем.

Однако всех объединяет одно: я понимаю, что их взгляды, вопросы и комментарии обращены ко мне, а не к Андреа. Они спрашивают совета у меня, одинокого двадцатидвухлетнего парня без детей, проработавшего в школе всего ничего. Мне хотелось закричать: «ОБРАЩАЙТЕСЬ К НЕЙ! Я ПРАКТИКАНТ! Я ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЮ, ЧТО ДЕЛАТЬ».

Это доказывает, что даже в профессии, которая традиционно считается женской, сексизм пустил корни так глубоко, что люди общаются с мужчиной так, будто он знает лучше. Один папа, который все время смотрел на меня, даже когда говорила Андреа, перед уходом повернулся к ней и спросил: «А вы, дорогая, еще учитесь?»

Усвоенные уроки

Когда воспоминания о Гэвине и его методах ухаживания постепенно угасают, я усваиваю еще один важный урок школьной жизни: всегда делай глубокий вдох, прежде чем сделать что-то в порыве ярости.

Я стал вести уроки литературы в восьмом классе. Моих одноклассников, работающих в других школах, курируют опытные учителя: сидя за последней партой, они ведут записи и делают негромкие замечания детям в случае проблем с поведением. После урока учитель и практикант цивилизованно обсуждают урок за чашкой кофе.

К сожалению, в моей школе проблема с кадрами, поэтому мне приходится действовать соло. Мне приносят расплывчатые извинения и говорят комплименты, единственная цель которых – успокоить: «Мы делаем так только потому, что вы к этому готовы». Конечно, это ложь, но я слишком тактичен, чтобы оспаривать это.

Восьмиклассники подготовили в группах презентацию на тему поэтических приемов. Когда они выходят к доске и делятся своими идеями, я с удивлением отмечаю, что они вовсе не ужасные, но меня беспокоит одна девочка. Грейс подошла ко мне перед уроком и предупредила, что из-за заикания боится выступать перед публикой. Мы поговорили о том, что ее беспокоит, и я, как мог, постарался ее приободрить. Мне было понятно, почему она боится выступать перед остальными.

Когда Грейс, стоя у доски, собирается начать выступление, она находит глазами меня, сидящего за последней партой. Я киваю ей и улыбаюсь, стараясь воодушевить и поддержать. Ее дыхание сбивчивое, и она явно напряжена, однако ей удается объяснить, что такое аллитерация. Она приводит примеры и рассказывает, зачем поэты иногда прибегают к этому приему. Завершив выступление, она сияет от счастья.

Со стороны может показаться, что это пустяки, но для Грейс это победный гол в финальном матче, лучший подарок на Рождество и медаль от королевы. Она снова смотрит на меня, и я не могу дождаться, когда скажу ей, как здорово она выступила. Я разделяю ее триумф и, хотя усилия приложила только она, позволяю себе поверить, что тоже причастен к ее успеху.

Один из учеников поднимает руку.

– Да, Джош, ты что-то хотел?

– Я просто хотел сказать: х-х-х-хорошая работа, Г-г-грейс.

Ученики начинают хохотать, улыбка сходит с лица Грейс, а я чувствую прилив ярости.

– ВОН ОТСЮДА, ДЖОШ! – кричу я, и мои слова расходятся эхом по классу.

Будто в замедленной съемке, он встает и начинает двигаться к двери, продвигаясь на сантиметр с каждым шагом. У него не получилось бы двигаться еще медленнее, не остановившись. Я понимаю, что он хочет еще больше рассердить меня, и я попадаюсь на его удочку, возмущенный тем, что Джош разрушил хрупкую уверенность в себе Грейс и сорвал урок, который шел хорошо. Я чувствую, как поднимаю руку, чтобы подтолкнуть его к двери.

На университетских занятиях нам говорили, что мы не должны прикасаться к детям, потому что это может быть неверно истолковано. Это значит, что если кто-то плачет, ты должен сопротивляться естественному желанию утешить его и положить руку ему на плечо.

Если ученик хочет обняться, ты должен вежливо отказаться. Конечно, есть исключения: вы можете вступить в контакт, чтобы спасти ребенка от неминуемой опасности. Однако подталкивание ребенка к двери из-за того, что он вывел вас из себя, не может быть исключением. Я шокирован и расстроен тем, что еле сдержался.

Оглядываясь назад, я понимаю, что такой реакции с моей стороны способствовали и другие факторы. Я был неопытным практикантом, оставленным на произвол судьбы. Меня просили бежать, когда я едва мог ползать. В классе должен был находиться учитель, который поддержал бы меня и посоветовал, как вести себя с Джошем.

Я решаю, что в следующий раз, когда Джош меня разозлит, сделаю пять глубоких медленных вдохов, прежде чем ответить ему. Какое счастье, что какой-то инстинкт помешал мне подтолкнуть его в тот день. Я был близок к провалу.

По пятам за учеником

Проходят дни и недели, Рождество остается позади, и постепенно преподавание становится более естественным и приятным. Если в начале практики я не спал ночами, разрабатывая подробный сценарий каждого урока, теперь знаю, что смогу обойтись базовым планом и больше не прописываю в нем, что обсуждение темы будет проходить с 11:03 до 11:08. Я научился быть свободнее и проще: если дискуссия идет хорошо или кто-то задал интересный вопрос, продлеваю ее, и прерываю, если дети молчаливы, что бывает нередко.

В начале января нам сообщают, что дадут выходной, чтобы мы поучаствовали в мероприятии «По пятам за учеником». Каждого из нас прикрепят к ученику с особыми образовательными потребностями, и мы должны будем следовать за ним целый день, ходить по урокам, чтобы понять, что представляет собой его школьная жизнь. Меня приставили к девятикласснику Джо. У него дислексия, и ему сложно общаться с другими людьми и воспринимать, что ему говорят.

Первый урок – математика, и рядом с Джо учебный ассистент. Она находится неподалеку, пока он рассчитывает вероятность. Ее задача – убедиться, что Джо понимает смысл задачи, но не мешать ему самостоятельно делать расчеты. Она помогает ему записывать домашнее задание и проверяет, знает ли он, какой урок следующий в расписании.

Дальше идет музыка, и Джо обходится без ассистента. Она помогает ему только на английском, математике и некоторых других уроках. Ученики слушают «Планеты» Холста⁷, и Джо присоединяется к обсуждению, но, когда остальные дети начинают выполнять письменное задание, я замечаю, что ему становится тяжело. За музыкой следуют география, физкультура, химия и немецкий. Джо идет впереди, а я тащусь за ним. Поскольку координатор мероприятия не хотел, чтобы Джо чувствовал себя неуверенно из-за меня, он не знает, что я делаю и, наверное, гадает, зачем какой-то странный парень повсюду за ним ходит.

К концу дня я настолько изможден, что едва могу говорить, а ведь я просто наблюдал. Это еще раз напомнило мне о том, как много всего приходится делать детям за день: слушать о тектонических плитах, учить немецкие глаголы и отрабатывать лучшие техники передачи мяча в футболе. Джо ходил на занятия к шести учителям, у каждого из которых свой подход и ожидания от учеников. Все они беспокоятся о выполнении домашнего задания, грядущих контрольных и прогрессе учеников. Джо должен соответствовать определенному уровню по этим и другим предметам. Это серьезная нагрузка для всех, не говоря уже о ребенке с особыми образовательными потребностями. Учителя всячески стараются поддержать его, но их возможности ограничены, ведь в классе еще двадцать девять других учеников. Для меня это бесценный опыт, поскольку я вижу детей только на своих уроках и могу легко забыть, какая нагрузка лежит на них в течение дня, не говоря уже о неделе.

Если кто-то говорит, что сегодня учиться в школе легко, имейте в виду: этому человеку не стоит доверять. Взгляд на учебный день глазами ребенка стал для меня откровением.

---

⁷ Симфоническая сюита Густава Холста, написанная в 1914–1916 годах. Каждая часть произведения названа в честь одной из планет Солнечной системы с соответствующим ей, по мнению композитора, астрологическим характером.

Такси для одного

Я сижу в учительской и пишу эссе, которое нам задали в университете. Вдруг одна из учительниц просовывает голову в дверь и спрашивает, не могу ли я недолго присмотреть за ее учениками. Она говорит, что это замечательные дети, и мне нужно лишь несколько минут побыть с ними, пока они тихо работают. Ей же необходимо отойти по срочному делу.

Войдя в класс, я не вижу прилежных учеников, старательно выполняющих задание: практически все разговаривают, некоторые громко. Несколько детей стоят группами и замечательно проводят время. Ни один ребенок не пишет. Я представляю, как их учитель вернется и увидит, что я не могу контролировать один из лучших классов в школе.

«Райан, – говорю я сам себе, – пришло время действовать. Покажи им, кто здесь главный».

Будто со стороны я слышу собственные слова:

– Что здесь вообще происходит? Думаю, вам пора прекращать.

Дети незамедлительно замолкают, и я поверить не могу, что мне удалось так быстро восстановить порядок в классе. Может, я прирожденный заклинатель детей?

Однако моему самодовольству приходит конец, когда один из учеников говорит:

– Сэр, наш учитель здесь.

Чувствуя, как колотится сердце, я смотрю в направлении его указательного пальца и вижу руководителя департамента, который приоткрыл рот от удивления и нахмурился. Он явно не понимает, почему практикант, сам едва вышедший из подросткового возраста, ворвался в его класс и сорвал урок, который шел как по маслу. Я что-то бормочу о том, что мне нужно вернуться в учительскую, и пристыженный иду к двери, слыша, как кто-то кричит вслед: «Такси для одного!»

Я захожу в соседний класс, где дети работают в полной тишине, и размышляю, как бы больше не встретиться с тем учителем.

Маленькие люди

Я учусь на учителя литературы средних и старших классов, поэтому буду работать с детьми в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет. Однако во время практики мы обязаны отработать неделю в начальной школе, где учатся дети четырех – одиннадцати лет. Именно так я оказался этим прохладным весенним утром на крошечном стульчике в окружении очень маленьких людей. Все они смотрят на меня: кто-то с любопытством, а кто-то с нескрываемым неудовольствием.

Я помогаю детям с таблицей умножения и понимаю, что семь на девять – это слишком сложно для них. Затем играю роль приглашенного судьи во время упражнения «Покажи и расскажи». После рисую вместе с шестилетними детьми, и мой рисунок оказывается среди самых неудачных. Больше всего меня впечатлило то, насколько громкими могут быть маленькие дети.

Некоторые учителя качают головами и говорят: «Понятия не имею, как вы справляетесь со старшими учениками», но то же самое я думаю о них. Хотя наша работа называется одинаково, по содержанию она совершенно разная. Во-первых, учителя начальных классов преподают все предметы, поэтому должны быть одинаково компетентны в науке и искусстве. Если вы считаете, что они не обучают ничему сложному, рекомендую ознакомиться с экзаменационными заданиями для выпускников начальной школы. Лично я не смог сходу ответить, сколько вершин у квадратной пирамиды. Во-вторых, если мы переключаемся между разными классами, они весь год работают с одним. Это помогает хорошо узнать каждого ребенка, но если попался сложный класс, работа превращается в настоящий кошмар.

Возвращаясь домой в последний день практики в начальной школе, я гадаю, почему всем учителям начальных классов не дают орден за невероятное напряжение, которое они испытывают каждый день.

Вдруг я замечаю, что слева от меня кто-то шагает. Это одна из шестиклассниц, с которыми я работал в тот день. Ее зовут Марта, и ей недавно исполнилось десять. Ее волосы заплетены в косички, и, наблюдая за ней на занятиях, я понял, что она веселая и разговорчивая. Я спрашиваю ее, куда она идет.

– Я иду к вам домой, – отвечает она.

Я смеюсь, думая, что это неудачная шутка.

– Куда ты идешь на самом деле? – спрашиваю я.

– Я хочу пойти к вам домой, – повторяет она без намека на улыбку.

Перед глазами красной лампочкой мигает инструкция по защите детей. Это классический сигнал, указывающий на то, что ребенок пытается стереть границы между учеником и учителем. Я твердо отвечаю, что она не может пойти ко мне домой. Пока я внутренне поздравляю себя с тем, что мне удалось профессионально выйти из неловкой ситуации, она говорит:

– Если не разрешите мне пойти с вами, я скажу учительнице, что вы меня трогали.

Больше всего меня шокирует спокойствие, с которым она это сказала. В этой новой и страшной для меня ситуации у нее есть власть, и она это понимает.

– Боюсь, что твои слова совершенно неуместны, и мне придется поговорить с директором, – с трудом отвечаю я.

Марта пожимает плечами и уходит. Я стою посреди улицы один и, с одной стороны, чувствую облегчение, что ситуация разрешилась, но с другой – боюсь дальнейших действий Марты.

Я незамедлительно звоню в школу, и директор предлагает мне вернуться, чтобы обсудить произошедшее. Хотя я всего лишь практикант, прекрасно понимаю, насколько серьезны

подобные обвинения: часто они ставят крест на карьере. Получить такое в свой адрес уже на практике – это рекорд.

Директор говорит, что Марта уже не в первый раз позволяет себе подобные обвинения, но они ни разу не подтвердились. Мне нужны эти слова поддержки, и я сразу чувствую, как расслабляются мои плечи. Директор заверяет меня, что поговорит с девочкой и ее родителями. Я возвращаюсь к работе в средних и старших классах и радуюсь, что больше не увижу Марту, которая, похоже, не воплотила свою угрозу в жизнь. Меня быстро поглощает водоворот школьной жизни.

Иногда я все же думаю о Марте. Какие события в жизни побуждали ее говорить такое? Директор сказал, что из-за сложных семейных обстоятельств она стала пытаться манипулировать учителями, особенно мужского пола. У меня создалось впечатление, что мужчины плохо с ней обращались. У нее были знания о сексе, нехарактерные для ее возраста. Нам рассказывали, что это может быть признаком сексуального насилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.